

Первую книгу о древнем славянском язычестве я написал еще в 1991 году. Житомирское издательство «Олеся» собиралось выпустить ее тиражом 50 тысяч экземпляров, но вместо того чтобы забрать гонорар - я забрал из издательства 120 страниц рукописи, точнее, машинописи, так как текст был напечатан на пишущей машинке «Лыбидь», которую родители подарили мне к 14-летию. «Мне нужно доработать текст, он еще не готов к печати», - сообщил я удивленному редактору, но на самом деле я понимал, что текст вообще никуда не годен и мне будет через несколько лет стыдно за этот опус. Прошло 18 лет, появилось множество книг о язычестве, но, к моему глубокому сожалению, очень часто это опусы очень низкого качества, а я все еще работаю над каждым словом своей повести. Так уж сложилось, что учение «Великого Огня» передавалось моим ученикам устно, в долгих беседах и лекциях, во время обрядов, во время тренировок. Это было неплохо для начала, но сейчас информация распространяется в мире слишком уж быстро, если уж что и не доработано в этой книге, пусть читатель простит меня за это.

Князь Огин.

Глава первая

РАССВЕТ

Меня очень часто спрашивают, как я стал язычником. Я отвечаю, что всегда им был. С раннего детства я был увлечен древней историей Руси, вначале это были сказки и былины, затем романы, повести и фильмы. Даже играя солдатиками, я погружался в фантастический мир могучих благородных богатырей, бесстрашных викингов и мудрых прорицателей. Станный мальчик, ну какой нормальный ребенок в первом классе будет окунать перьевую ручку в чернильницу, чтобы переписывать «Слово о пълку...», а во втором классе изучать учебник грамматики старославянского языка? Моим любимым предметом в школе была история, но изучал я её самостоятельно, дорогие фразы учебников не могли удовлетворить мое любопытство, я читал любую историческую литературу, которая попадала мне в руки, запоминая персонажи и даты, помнил все династические связи правителей Киевской Руси. Что-то в истории Руси было не так, я это чувствовал, но до времени не мог самостоятельно в этом разобраться.

От матери я унаследовал пренебрежительно-насмешливое отношение к христианству. Мой прадед, дид Мыкола, был убежденным антихристианином. В его доме не было ни одной иконы, хотя все-таки одна висела в хлеву – святой Александр Невский, мужик в красивых доспехах; его изображение прадеду нравилось, но не настолько, чтобы переместить икону из хлева в дом. Мать же его, моя прапрабабушка Варвара, была знахаркой и повитухой, к ней приезжали роженицы из всех окрестных сел. Будучи уже взрослыми, те, кто родился с ее помощью, приходили к ней на поклон и приносили скромные дары. Каким-то чудесным образом она всех узнавала, говорила, чей сын, или дочь. Прожила прапрабабушка Варвара 109 лет и до последних дней не утратила ясности ума и не только могла «сама себе доглядиты», но даже помогала присматривать за своими праправнуками. Она же и научила мою бабушку многим заговорам и секретам, но об этом я расскажу позже.

Родился и вырос я в Житомире. Отец мой родом из Любарского района Житомирской области, корни матери – из Попельнянского района, что находится

почти на границе с Киевской областью. Тут, на границе Полесья, в земле летописных древлян, всегда жили мои предки. С 11 лет я жил почти на Замковой горе, в историческом центре города, совсем рядом речка Каменка впадает в реку Тетерев. Через 10 лет после переезда на новую квартиру я узнал, что дом, в котором я жил, стоит над древним капищем, может быть, последним из действовавших святилищ славянской земли, обряды там проводились до середины XVII века. Оно не было осквернено или разрушено иноверцами, и до нынешнего дня сохранилось в том виде, в котором было оставлено последними его служителями. Кто знает, может в этом одна из причин того, что я стал тем, кем я есть, жрецом Великого Сварога, воином Перуна.

Я очень хорошо помню тот день, когда провел первый осмысленный языческий обряд, что было достаточно странно, ведь я был убежденный атеист и вырос в семье атеистов. Это было 30 декабря 1984 года. Мои родители ушли к друзьям, предновогодняя вечеринка должна была продлиться до двух часов ночи, и я тоже по-своему решил отпраздновать. Я чувствовал, что это необходимо сделать именно в полночь. Парадно одевшись, я положил под новогоднюю ель недавно подаренный мне дедом трофейный нож с мраморной рукояткой (по закону он не мог считаться холодным оружием, так как лезвие было на пол сантиметра короче незаконной нормы), горсть драгоценных камней и зажег три свечи. Я обратился с мольбой к своим древним предкам, никого не называя по имени. Я попросил у них силы и здоровья для себя и для своих родных. В этот момент я испытал прилив духовной энергии, прилив силы, до того момента мне не ведомый. Я никому не стал говорить о том, что предновогоднее время проводил таким странным образом.

Через год я сам попросил родителей пойти куда-нибудь в гости и даже объяснил зачем – буду проводить магический обряд и мне нужно быть в одиночестве. Мои родители спокойно относились к моим чудачествам. Теперь к действию я готовился заранее, ждал его. Из-за события, которое произошло осенью того же года я уже мог точно назвать два имени своих пращуров – Перун и Один. Я знал, что когда-то они были живыми людьми, что они родные братья, их души не умерли, а их кровь течет в моих жилах. Сам обряд практически не изменился.

Моим любимым занятием в те времена было чтение, читал я много с раннего детства, отдавая предпочтение историческим романам. Еще будучи первоклассником, я стал постоянным посетителем детской областной библиотеки, которая находилась рядом с моей школой, но уже в 14 лет записался в областную «взрослую» библиотеку. Церковь тогда еще не имела права громкого голоса (как, впрочем, не должна иметь его и сейчас в тех государствах, которые декларируют свободу совести), но по случаю юбилея крещения Руси выходило множество научно-популярных статей, посвященных этому вопросу. Меня эта тема тоже интересовала, но я замечал фальшивые формулировки, видел явные логические несоответствия. Маркс называл принятие христианства прогрессивным шагом, так как оно укрепляло государство и феодальные отношения, неудивительно, что советская историческая наука была того же мнения. «Что за большая теория?!» - думал я, не соглашаясь с пророком коммунистической идеи. Что должны чувствовать свободные люди, живущие исконным укладом и следующие заветам отцов, когда им вдруг объявляют, что они стали рабами чужого непонятного бога, что им под страхом смерти запрещено чтить обычаи пращуров, да и сами они уже

являются имуществом какого-то выродка крестоносца? Правда, находились и авторы, которые осмеливались мягко противоречить марксизму. Издательство «Молодая гвардия» выпустило в серии «История отечества» великолепный двухтомник «Откуда есть пошла Русская земля», в котором был опубликован роман В. Иванова «Русь изначальная», а так же несколько научных статей, посвященных этногенезу славян. В одной из них автор писал, что, мол, да, конечно, государство – это всегда аппарат угнетения народа, и если оно уже есть, то его нужно бы укреплять, однако кроме государства есть и другая форма организации общества – самоуправление. Именно таким и было общество славянских племен, но нашим предкам навязали христианство и феодализм, точно так же, как через тысячу лет вновь навязали христианство (хорошо хоть не насильно), и дикий капитализм.

Много аналогий прослеживается в нашей недавней истории и событиями тысячелетней давности. И в том, и в другом случае общее (общинное) имущество попадает в руки алчных аморальных бандитов, потом они строят церкви, в которых попы воспевают их мнимую благочестивость. Затем удельные царьки ссорятся между собой и сеют вражду меж славянскими народами, но я опять забегаю вперед.

В 1986 году Советский Союз еще казался нерушимым, относительная свобода слова давала надежду на перемены к лучшему, но какое-то тревожное чувство подсказывало, что не все будет так хорошо, как хотелось бы. Мое внутреннее мировоззрение было уже почти сформировано, но я еще не решался говорить о симпатии к древнему язычеству даже с самыми близкими друзьями. Необычные, я бы даже сказал, ненормальные, или как сейчас принято говорить, аномальные, явления заставили меня задуматься о том, что окружающий мир намного сложнее той схемы, которая укладывалась в учебнике физики. Я был и всегда буду убежденным материалистом, даже если я верю в то, что душа человека может остаться живой после смерти. Сама душа материальна, нужно только выяснить природу духовной энергии.

Весной 1986 года случилось чрезвычайное происшествие на Чернобыльской атомной станции. Я хорошо запомнил ту ночь, мне не спалось. Вертолеты прорезали ночное небо прожекторами, колонна бронетехники проехала по мосту с юга, земля словно дрожала от напряжения и тревоги. «Уж не началась ли война?» - испугался я. На следующий день мой отец, подполковник милиции, занимавший достаточно высокую должность в Управлении внутренних дел Житомирской области, сообщил о том, что произошла страшная авария, он каким-то чудом успел пробить для меня и моей матушки горящую путевку в Закарпатье. В живописной долине, в которой располагался санаторий, компании у меня, понятное дело, не было. Я много времени проводил в прогулках и размышлениях, языческое мироощущение прорывалось из глубин подсознания. К этому же времени относятся и первые несмелые попытки написания собственных прозаических произведений. Первым их читателем стала моя мама, которая удивленно отметила, что написано очень хорошо. Через несколько месяцев я даже решился отправить в редакцию журнала «Техника молодежи» свой фантастический рассказ «Таймер». К моему глубочайшему удивлению, через некоторое время я получил ответ с настоящей рецензией, мне сообщили, что написано неплохо, но следует более подробно описать концовку, так как не совсем понятно, чем собственно рассказ

заканчивается. Это письмо меня очень вдохновило (я даже не смел надеяться на то, что кто-нибудь вообще обратит внимания на мою писанину), но ничего переделывать я не стал, ведь мне уже исполнилось 15 лет, а рассказ был написан, когда я еще был четырнадцатилетним ребенком.

В январе 1987 года мы с матушкой отправились в крымский санаторий, расположенный прямо под так называемой Генуэзской крепостью, это недалеко от городка Судак. Вместе с нами поступил еще один отдыхающий, Роман, молодой парень, работавший в московской милиции. Он был фанатом боевых искусств, тренировался каждый день, а я тренировался с ним за компанию. Роман специализировался на китайской школе «Пьяный кулак». Мои самостоятельные попытки заниматься чем-то подобным ограничивались фехтованием, но тут уж у меня появился настоящий учитель, который хвалил меня за усердие и отмечал, что у меня есть способности. Через 24 дня мы расстались, научиться многому за это время невозможно, но базовый курс я освоил, к тому же, смог понять основные принципы укрепления духа и тела. На прощание мой первый учитель пожелал мне успехов, велел продолжать заниматься самостоятельно и сказал, что я могу стать настоящим мастером, если постараюсь, конечно. Я остался в санатории еще на 24 дня. Сознаюсь, в школе я сказал о том, что еду в детский санаторий (где положено учиться по школьной программе), мне даже выдали на руки мой табель, а в Судак я наоборот сообщил о том, что я несколько старше, впрочем, и выглядел старше, мне ведь приходилось бриться с начала учебного года. После отъезда Романа я продолжал тренировки, безлюдное побережье зимнего Крыма настраивало мои мысли на философский лад, но один случай я хотел бы отметить отдельно. Когда я однажды прогуливался под крепостными стенами древнего Сурожа, рассматривая кремуды его сторожевых башен, в сознании промелькнула неожиданная, словно чужая, мысль: «Ничто созданное человеком не вечно, вечен только сам человек». Я остановился словно громом пораженный. Зрение подсказывало обратное – вот они тысячелетние каменные стены, а где люди, что их возвели, и те, что жили за ними, защищали от врагов? Их нет, но не все так просто. Стены со временем могут рассыпаться в прах, но если у человека есть потомки, дети, внуки, правнуки, они построят новые города, пока только есть потомки... Хуже, если их нет. Домой из Крыма я возвращался с багажом новых знаний и мыслей, правда, отдавая классному руководителю незаполненный за четверть табель, я соврал, что его просто забыли заполнить, но я ведь типа прилежно учился. Я действительно перечитал на каникулах все учебники и восполнил пробел в знаниях, родители же мои полагали, что оздоровиться при случае важнее, чем штаны в школе просиживать, я ведь был уверенным хорошистом, а отличником все равно бы не стал.

Лучшим моим другом в то время стал Глеб Лиференко. Жил он в доме, который находился прямо рядом с нашей школой № 12, в то время считавшейся лучшей в городе. Именно ему первому я и рассказал о своем мировоззрении, он же стал свидетелем многих странных необъяснимых происшествий. «Я конечно материалист, но факты упрямая вещь...» - сказал однажды Глеб, когда мы, сидя у него дома, размышляли о наших недавних приключениях. Философские беседы и логические головоломки были основным элементом нашего времяпрепровождения, но теперь я еще подбивал Глеба заниматься воинским искусством. Виталик (наш

общий лучший друг) отказался от тренировок, я уже не помню по какой причине. Глеб был классическим примерным мальчиком, а времена были беспокойные. По всему Советскому Союзу подростки умом тронулись, улица шла войной на улицу, район на район, нужно было уметь постоять за себя. Дворовые группировки и разборки были мне глубоко противны, но и мне приходилось в старших классах драться на улице. Иногда драки были действительно кровопролитными, но я всегда заступался за друзей.

Тренировались мы чаще всего за пешеходным мостом, в тех местах, где позднее проходили тренировки моей школы. Мы яростно сражались шершавыми дубинами, молотили друг друга руками и ногами, я придумывал разные любопытные упражнения. Благодаря мне Глеб учился драться, а я приобретал мастерство. Именно во время одной из таких тренировок мы познакомились с Вадимом Коряко, который стал в последствии, как иногда мы шутим, вторым патриархом «Великого Огня». Глеба, соответственно, следует назвать третьим патриархом, так как именно мы втроем и заложили основу идеологии духовного движения, о котором мы в те времена еще и не мечтали.

Глава вторая

ВЕЧЕН ТОЛЬКО САМ ЧЕЛОВЕК

Я не буду утомлять читателя всей историей умозаключений, да я и сам уже не все помню. Следует отметить, что очень важным элементом становления мировоззрения были уроки бытовой магии и житейской мудрости, которые преподала мне моя бабушка. Еще ребенком был, когда она, шутя, сказала, что скоро я женюсь. «Вообще не буду жениться!» - сообщил я ей, но она ответила уже серьезным тоном: «Тебя родили, и ты должен родить». Должен! Позднее я долго думал над этой фразой. Что же это за долг такой?

Все мы иногда думаем о вечности, о жизни и смерти, и что будет потом, когда плоть уже не сможет быть связана с душой. Что же будет за той чертой, или вообще ничего не будет, лишь холод, мрак и пустота. Умирать не хочется, кто-то дурманит себя сказками про рай и ад, другие пытаются уверовать в реинкарнацию, жить ведь хочется даже после смерти. Древние египтяне надеялись на жизнь души, бальзамируя тела умерших, наши же пращурьы предавали тела огню.

О терминологии лучше договориться сразу, чтобы избежать возможных разночтений. Душа – это информационно-энергетическое поле, которое наряду с живым органическим телом (мозгом, кровью, мышцами и костями) составляет нашу сущность. Существование души не признано современной наукой, но и полностью отрицать ее существование тоже очень сложно. Всем известны воспоминания фронтовых санитаров, да и не только фронтовых, догадывавшихся о смерти пациента в тот миг, когда носилки словно становятся тяжелее на несколько килограммов, но на самом деле в момент смерти тело человека теряет в весе несколько грамм. Официальная наука объяснить этот феномен пока не может. Есть и множество других примеров, но наука еще не обладает соответствующей аппаратурой, не изобретено мерило души, однако все древние народы, находившиеся в разных частях земли, признавали существование человеческого духа. Методы познания древних вероятно отличались от современных, но знания о душе не изменились со времен неолита. Душу невозможно пощупать, сложно увидеть, достаточно признать ее материальное существование. Мы ведь не

сомневаемся в материальности электромагнитных полей.

Существование загробного мира отвергается без обсуждений, но каким образом душа человека может остаться живой после смерти тела? Наши предки верили в это, долго думал над этим вопросом и я. Подтверждение своим умозаключениям я получил позднее.

Душа не может существовать без привязки к живому человеческому телу. После смерти тело человека разлагается, превращаясь в куски неживой материи, точно так же может умереть и душа, если не будет привязки к живому организму. Душа жива до тех пор, пока живы потомки - дети, внуки и правнуки, именно они понесут в бессмертие нашу душу. Мы в долгу перед своими предками, они сделали все возможное для того, чтобы мы родились и у нас в свою очередь родились дети. Мы так же в долгу перед своими потомками, им продолжать наш род. Навьи, рожденные на века, бесконечная цепь поколений, они всегда рядом с нами. Их мудрость скрыта в теле и разуме нашем. Боги мёртвых народов мертвы.

У древних скандинавов была традиция называть первенца именем деда, если его уже нет в мире живых. Если же ребенок родился после гибели отца, то его нарекали тем же именем, считалось, что душа погибшего возрождается в сыне. Схожая традиция, возможно, была и у славян, обычай называть мальчика в честь деда сохранился до наших дней.

Возможно, я ошибаюсь, я не настаиваю на истине в последней инстанции, но я уверен, души наших великих пращуров не погибли. Их кровь течет в наших жилах, их разум иногда вторгается в наше сознание для того чтобы предостеречь, или помочь советом, но мы сами не всегда можем это понять и почувствовать. При жизни мы должны укрепить свой дух и свой разум, если действительно хотим быть бессмертными.

На протяжении всей человеческой истории люди слагают мифы. В древности это были мифы о богах и героях, подобных богам. Сейчас мы создаем мифы о древних героях, наших пращурах, собирая воедино обрывки легенд. Наши правнуки прославят и нас, если мы будем того достойны.

Глава третья

СИЛА ДРЕВНЕЙ ГРОЗЫ

После окончания школы я попытался поступить в Киевский Государственный Университет имени Шевченка на один из самых престижных факультетов – юридический. Только несколько лет спустя я понял, что на последнем экзамене (История СССР) меня практически не могли завалить. Пять баллов ставить было нельзя, я сразу же занял бы место, которое уже кому-то было обещано. На бесконечное количество дополнительных вопросов я всегда имел правильный ответ, только на одном оступился, не смог вспомнить, куда отступили остатки крестьянской армии Ивана Болотникова после его казни. «Вот видите!» - обрадовался толстый преподаватель, - «Не можем мы вам поставить пятерку!» Итого - три четверки, для хороших блатников этого могло бы хватить, но я не прошел по баллам и стал готовиться к армии.

Много времени мы с Глебом проводили перед компьютерами в Житомирском Пединституте, где самообучались программированию. В последний год учебы в школе Глеб занял второе место во всесоюзной олимпиаде молодых программистов, но после школы он тоже не поступил с первого раза (ездил поступать в Москву). Я

уже тогда знал, что хороший программист из меня не получится, а посредственным я быть не хотел, думал пойти по стопам отца и деда, которые работали в милиции. Допотопные компьютеры «Yamaha» были снабжены убийственными для зрения мониторами, но о том, насколько они были вредны я узнал после обследования проведенного по направлению военкомата. Минус восемь на левом глазу, минус три на правом, годен к нестроевой службе в военное время. Дорога в армию была закрыта, к моему огромному удивлению. Нельзя сказать, что я очень расстроился, такая ситуация меня устраивала, но требовала корректировки планов. Вадим, с которым мы очень сдружились, предложил попробовать поступить на факультет журналистики Киевского университета, где сам заочно учился на первом курсе. Эта мысль мне понравилась, но пока еще мы с Глебом просто гуляли, тренировались и размышляли о древней философии. До новых вступительных экзаменов было еще больше полугодя, а на работу я должен был пойти только в январе.

Мы уже давно заметили, что существуют места силы, как я называл их еще в ранней юности. Находясь в таком месте, ты чувствуешь прилив силы и бодрости, само собой улучшается настроение, сам мир словно расцветает независимо от времени года или времени суток. Бывают и противоположности, иногда забредешь куда-то, и словно природа увядает, тебя сковывает необъяснимая тревога и страх, а так же желание поскорее уйти, убежать отсюда, находиться в любой точке, но не тут. Я даже составил карту аномальных зон нашего города, но теперь мы расширяли свои познания, ходили в долгие походы, исследуя ближние земли. Благодаря знакомству с Вадимом в боевом искусстве мы с Глебом тоже достигли больших успехов, так как у него был долгий опыт и отличная техника, к тому же он указал нам на явные ошибки. В то же время некоторые элементы восточных стилей казались мне излишними и уж точно не подходили для славянского телосложения, а хитросплетения восточной философии мало кого могли увлечь, но боевое искусство, лишённое философии сразу превращается в разновидность уличной драки. Вчетвером (у Вадима был свой ученик) мы решили создать свой собственный славянский стиль, отбросив излишнюю вычурность и ритуальность азиатских стилей. Ни о каких почестях мы не думали, мы это делали сами для себя и собственного удовольствия.

Помню, как поразил меня первый поединок с Вадимом, его необычайная скорость и слаженность движений. Он наносил несколько ударов в секунду, я едва успевал отбивать их, но уже через пару месяцев наши силы сравнялись. Мы были молоды и иногда наивны, юношеский максимализм тоже отчасти придавал сил. Так уж сложилось, что лидером нашей компании стал именно я, хоть Вадим был на пару лет старше и опытнее меня.

С января 1990 года я стал работать в УВД Житомирского облисполкома, заведовал складом спецсредств отдела связи и экспертно-криминалистического отдела. Когда меня принимали на работу, мне показали две части склада. В одной половине все было учтено и записано в целых три тома приходно-расходных книг, а в помещении поменьше все уже давно было списано и лежало про запас (туда я ни в коем случае не должен был пускать никого в случае неожиданной проверки). «Сильно не воруй!» - со смехом попросил меня начальник отдела связи, мой непосредственный командир. «Не буду!» - честно ответил я и действительно за время работы ничего не приватизировал. Тот факт, что мне нужно было по

совместительству быть грузчиком, меня совсем не смущал, а вот подсасывать чистый спирт из бидона мне совсем не нравилось, но другим я это занятие не доверял. На меня не обижались, ведь к концу месяца я приносил ребятам в мастерскую почти пол литра спирта, который почему-то оказывался лишним. Что-то у них все же было недодумано в данной работе, у меня ведь не было допуска к государственной тайне, ничего такого я не подписывал, но получал, хранил и выдавал секретную спецтехнику. Однажды я очень испугался, когда под стол упали накладные на секретные «Фильтры ТЛ», с помощью которых, как я понимаю, телефоны прослушиваются, а я уж думал, что их потерял. У Вадима Коряко тоже были успехи в карьере. Из внештатного корреспондента областной газеты «Комсомольська з ірка» он превратился в штатного репортера и тоже обзавелся собственным кабинетом и служебным телефоном, а так же псевдонимом, теперь свои статьи он чаще подписывал Вадим Зиновьев. Глеб пока еще гулял и готовился к поступлению в Софийский технический университет, его мама была болгаркой родом из Кърджали.

На работе меня почти сразу прозвали каратистом. Я не скрывал своей любви к боевым искусствам, а когда однажды нужно было сломать старый дощатый забор, я попросил парней с ломом отойти в сторону и с огромным удовольствием превратил его в груды щепок. Мои руки и ноги оказались крепче и быстрее известного приема с ломом, но бойцом меня признали только после того как я по просьбам трудового коллектива поборол Жору. Признанный всем УВД силач из ЭКО был почти вдвое тяжелее меня, основой его техники являлось боевое самбо. Случайно узнав от соседней об этом факте, даже моя матушка поверила, что я на что-то способен.

Мы продолжали тренировки, но все больше задумывались о силе духа, о внутренней энергии. Я чувствовал, что нам катастрофически не хватает знаний, а доступная литература не давала ответов на множество вопросов. В поисках сакральных истин, я обратился за помощью к своим же родственникам. Еще в детстве мой дед учил меня драться и не бояться драки, но никакой определенной системы не было, хотя как скромно признавался дедушка Илюша, отец моей мамы, в родном селе побороть его мог только старший брат. Определенные боевые навыки вырабатывались в народных играх. В детстве мы с моим двоюродным братом постоянно играли в цурки, нас этой игре научил дед, а во дворе мы играли в пекаря, сейчас я плохо помню смысл и правила той игры, но точно помню, что между ними было много общего.

Бабушка много рассказала о заговорах и защите от дурного глаза, и о том, как самому нанести духовный удар по злым людям, как нужно «отчитывать», если на кого-то «пороблено». Еще она поведала мне о том, что в старину были какие-то черные книги, в которых были записаны тайные знания. Сама она такую книгу не читала, но в молодости лично знала человека, у которого такая книга была. Читать такие книги кому попало нельзя, человек может заболеть и даже умереть, к тому же «в хат і може все перевернутись». Мне почему-то сразу захотелось прочитать такую книгу, о чем я и сообщил своим друзьям. «Это будет очень сложно...» - сказал Глеб, но мы решили начать поиски, не особенно надеясь на успех.

Изучение истории религий и эпических преданий стало для меня новым увлечением. Теперь я много знал о древних германцах и кельтах, индуизме и

буддизме, но самое интересное оставалось почти неизведанным. В областной библиотеке я отыскивал замечательные книги: Знойко « Міфи Київської Русі та події стародавні », Іванченко « Дивосвіт прадавніх слов'ян », последнюю книгу вообще можно было назвать славянским языческим гимном, но и эти работы ставили вопросов больше, чем давали ответов. Скудность первоисточников о славянском язычестве всегда была большой проблемой.

В мае Глеб с родителями уехал в Болгарию, они собирались перебраться туда насовсем. Союз уже трещал по швам, все больше товаров становились дефицитными, народ все громче ругал правящую коммунистическую партию, появились первые политические неформалы, а на телеэкранах засветились диссиденты. Политинформации все еще существовали, но газету «Правда» уже никто не зачитывал, вместо этого взрослые дяди милиционеры и я вместе с ними смотрели мультики по видику.

Склад мой находился в подвале прямо над столовой, очень выгодный стратегический пункт, я всегда обедал одним из первых, и у меня еще оставалось минут сорок, чтобы погулять по парку, или посидеть у фонтана напротив своей бывшей школы. Однажды я нагло пообедал совсем уж рано, было больше часа свободного времени. В тот день по улицам ходили нарядные парни и девушки с колокольчиками, у них был последний звонок. Год назад и я был таким, но теперь я просто надулся от гордости за свою взрослость. Зарплата у меня может и небольшая, но честно заработана, а в будущем меня ждет... Просто дух захватывало от перспектив и фантазий! Я спустился в парк, перешел через пешеходный мост и подошел к дубу Трояну. Так мы его называли из-за того, что из одного корня росли сразу три ствола. Я встал меж стволов и посмотрел на небо. Ослепительно белые облака были похожи на волшебные замки. Фантазия рисовала фантастические картины. Мне захотелось создать школу, где будут обучать славянскому боевому искусству и тайным приемам магии, учителя будут мудрыми и строгими, а ученики этой школы будут превыше всего ценить правду и честь, всегда становиться на защиту добра. Помечтал вот так пол часика и пошел на работу.

Через пару дней в Молдавии произошло крупное землетресение, докатилось оно и до Житомира, у нас, правда, было всего 4 балла. Но узнал я об этом позже, а в тот момент я сидел в своем подвале и записывал что-то в учетных книгах. Неожиданно пол задрожал у меня под ногами, потом затряслись и зазвенели стеллажи с инструментами, и я услышал необычный звук, который ни до того, ни после слышать мне не приходилось. Низкий гул похожий на стон исходил из самых глубин земли. Я понял что происходит, но убежать не стал, дождался окончания действия. Кто не был в подземелье, тому никогда не узнать, как стонет земля.

Еще через несколько дней мне позвонил Вадим и сказал, что нужно срочно встретиться. Он жил всего в ста метрах от моей работы, поэтому я даже не поставил руководство в известность о том, что меня не будет некоторое время. Полуденное солнце было горячим, но грозовые тучи уже висели над горизонтом, невероятно парило. Находка Вадима потрясла меня, впрочем, она перевернула всю мою жизнь. Я вернулся на работу и погрузился в изучение бесценного дара. Через час началась яростная гроза. Одна из первых молний попала в телескопическую антенну главной радиостанции УВД (установленную в том здании, в котором был мой склад), отчего

сам аппарат взорвался. Просто удивительно, что никто не пострадал. Почему не сработало заземление, никто так и не понял.

Глава четвертая

ТРИ БРАТА

И пришел Род из земель, где Дажьбог просыпается. И было три сына у него - Перун, Один и Водан. И пришел Род и сыны его, и сели по реке, что ныне Истр (Дунай) зовется. И ушел Род небесной твердью на путь повеления Разумом, а сынам своим власть оставил великую - Перун востоком стал править, Водан - западом, а Один - полночью. И от Перуна род свой ведем мы. Силу он нам дарует вечную, Разум духа и тела воздает. Воздай, о Перун, рукам молнию, ногам гром! Воздай силу Разуму нашему! Пусть уйдет страх, да явится слава! О Перун, дай Разум. Будет Разум - будет и сила.

«Все боги были когда-то живыми людьми», - сказал однажды Глеб. Я отчасти согласен с этим утверждением. Легенда о Свароге (который якобы был царем египтян), случайно попавшая в «Повесть временных лет», явно указывает на то, что он был культурным героем своего времени, исторической личностью. Давно подмечено сходство этой легенды с преданием, рассказанным Геродоту скифами о своих северных соседях. Очевиден тот факт, что у наших предков не было бога в понятии «теос», чего не как не могут понять многие наши современники.

Средиземноморская античная мифология, в том числе библейская, очень крепко засела в глубинах подсознания нынешних славян. Когда я читаю книгу, в которой написано: «Зевса славяне называли Перуном, а скандинавы - Тором», я даже не знаю, смеяться мне или плакать. Не каждому легко осознать, что боги древних славян это совсем не то, что они привыкли понимать под словом «бог». Богов в общепринятом в наше время смысле у славян вообще никогда не было. Дажьбог (животворящая сила неба) и Стрибог (сила ветра) – это не нечто одушевленное, это стихии, которыми даже способны управлять люди сильные духом. При этом следует отличать богов (божей) от навьев, живых душой пращуров. Конечно, намного легче придумать себе богов по образу и подобию древнегреческого Олимпа, бить им поклоны, чем попытаться понять мироощущение предков, а они были не глупее нас. Многие знания древних нам и сейчас недоступны. Если у наших пращуров не было мобильных телефонов и автомобилей, это еще не значит, что они были дикарями.

Формула жизни на земле не такая уж и сложная, ее вполне могли понять мудрые люди древности. Есть два основных элемента дарующих жизнь: тепло и вода. Главным источником тепла является солнце, вот вам истина, не требующая доказательств, все народы во все времена это знали. Об этом могут забыть только жители современных мегаполисов, привыкшие к постоянной иллюминации и никогда не видевшие диамантовой россыпи настоящего звездного неба. Две трети планеты покрыты водой, в большей или меньшей степени об этом знали развитые народы и в старину, вспомните хотя бы первые строки «Круга земного». Испаряясь над океаном, вода поднимается в небеса, ветер приносит дождевые тучи на сушу и они проливаются в землю животворящими струями. Дажьбог и Стрибог, вечные стихии жизни.

С легендарной историей все намного сложнее. Отголоски легенд сообщают нам о том, что Сварог жил двенадцать тысяч лет назад, со времен Рода и его сыновей

прошло три тысячи лет. Легенду о трех великих братьях можно назвать общеевропейской. В древней скандинавской традиции Рода называли Бором, его сынов звали - Один, Вили и Вьо, но славили все же Одина. Именно он был родоначальником всех династий северных конунгов кроме Инглингов, если верить старинным сагам, а я не вижу причин им не верить. Человек, благодаря которому появился на свет «Круг земной», сказал неимоверно правдивую фразу: «И хотя мы не знаем точно правда ли все эти сказания, но зато мы точно знаем, что мудрые люди древности считали их правдой». Древние балты тоже славили трех братьев, называя старшего Патлсом, среднего Перкунасом, а младшего Потримсом. Славяне чтили и помнили Перуна. Он тоже был родоначальником княжеских династий, но нам достались в наследство лишь обрывки истории. Выше голову, братья и други! Как ни старались завоеватели уничтожить память о величии наших предков, не только высокие могилы хранят память о былом.

Крылья Симаргла ветер приносят. Слышите? Перун тяжелым шагом идет к нам. Умойтесь росой Перуновой, что кровью зовется. Она силы прибавит, ибо роса эта чудес таит множество. Возрадуйся, сущее, ибо он уже близко!

Глава пятая

ВЕЛИКИЙ ОГОНЬ

Перед вступительными экзаменами я взял отпуск за свой счет и уехал вместе с матушкой в дом отдыха МВД «Пуца Водица», находящийся в курортной зоне под Киевом. Я был абсолютно уверен в победе, события первых летних дней вызвали неимоверный подъем энергии, к тому же конкурс был небольшим, всего пять человек на место. Не скажу, что я усердно готовился к экзаменам, любимые с детства леса и озера Пуци больше поощряли меня к прогулкам, чем к учебникам, но экзамены я сдал более чем хорошо. При оценках 4, 4, 5 (на последнем экзамене по истории я действительно отлично себя показал), можно было не сомневаться в зачислении и последнюю неделю отпуска просто отдыхать. В Пуце я познакомился с Егором, моим сверстником из Магадана. Мы быстро сдружились и стали единомышленниками в вопросах возрождения славянского язычества. Что любопытно, мы с Егором были очень похожи внешне, незнакомые люди думали, что мы братья близнецы, да и характером были схожи. В школе его, как и меня, называли философом, он тоже увлекался воинскими искусствами, любил прогулки на природе. Однажды мы выбрались в центр Киева с целью разыскать Старокыеву гору и капище Перуна на ней. Мы бродили по городу до раннего вечера, но цели так и не достигли, хотя как выяснилось через пару месяцев, не раз проходили совсем рядом. Впервые я там был еще ребенком, а Киев знал пока плохо, спрашивать у прохожих почему-то стеснялись, искали самостоятельно. Кто бы мог подумать, что через два года я буду работать совсем рядом с Перуновым капищем и бывать там почти каждый день...

Через пару дней после того как я вернулся в Житомир, приехал из Болгарии Глеб. Он поступил в Софийский технический университет, причем очень удачно, со стипендией и общежитием (у них тогда уже вводилось платное обучение). Собственно, Глеб и его родители приехали паковать вещи, они покидали Союз с его проблемами, но не знали, что жесточайший кризис с голодными бунтами совсем скоро захлестнет маленькую Болгарию.

На работе, узнав, что я поступил в Киевский университет, мне предложили

написать заявление об уходе. Делать инвентаризацию склада и поручать кому-то материальную ответственность два раза в год, когда я буду уезжать на сессию, было технически очень сложно. Я не расстроился, безработицы у нас тогда еще не было, да и сидеть на складе мне уже порядком поднадоело. «Ну что ж...» - подумал я, - «Теперь хоть не придется бриться!» Завести бороду я мечтал еще в школе, в 11 лет нарисовал портрет себя взрослого с бородой и длинными волосами, кстати, очень похоже получилось, как позже выяснилось.

Вечером моего предпоследнего рабочего дня мы с Глебом, Вадимом и Валерой (учеником Вадима), пошли за мост и разожгли костерок недалеко от Трояна. Настроение у нас было возвышенно-мистическое, ведь чувствовали себя носителями сокровенных знаний. Мы тогда думали, что единственные на свете - в энциклопедии было пару слов написано о неodruidистах в Ирландии и каких-то попытках возрождения неоязычества в фашистской Германии. Вчетвером, коснувшись правой рукой стволов дуба, мы провозгласили о создании славянского мистического ордена, дав ему название «Великий Огонь», то есть Сварог. Звездное небо озарилось на севере дальней зарницей, мы посчитали это добрым знаком. На обратной дороге долго рассуждали о возможности грядущего возрождения исконной духовности. Вадим предложил зайти к его знакомому, Иванчихину, который легализовал после долгого запрета школу карате-до. Я полагал, что на меня вряд ли обратят внимание. «Ты ведь мечтаешь о славянской школе! Нужно пробовать! Иванчихин нормальный мужик! К тому же я о тебе уже рассказывал...» - горячо возразил Вадим. На следующий день решили зайти к каратистам, благо, это было совсем рядом, и я мог успеть за обеденный перерыв.

Штаб-квартира школы Иванчихина находилась недалеко от стадиона. В небольшом уютном кабинете старинного одноэтажного дома он проводил запись новеньких. Когда мы с Вадимом зашли к нему, главный каратист Житомира сидел в окружении трех своих старших учеников, они были инструкторами секций. Я скромно представился, а Вадим произнес прямо таки хвалебную речь в мой адрес. «Славянский стиль это конечно интересно, но никто пока об этом не слышал...» - подумав, сказал сэнсэй Иванчихин. – «Про карате-до все знают, отбоя нет от желающих. А вот попробуй показать, что ты можешь. Вот с ним!» - он указал на одного из сидящих рядом инструкторов. Улыбнувшись, со стула поднялся парень чуть старше меня. Это был Саша Тарабукин, в последствии он стал моим другом. Небольшой поединок в мягком контакте показал сэнсэю, что я действительно что-то могу и вполне конкурентоспособен. «Ну, можно попробовать...» - без особого энтузиазма сказал Иванчихин и тут же добавил, что стиль может быть и славянским, но методика должна быть единой. Я должен ее изучить и чтить как букву закона. Это была почти победа, во всяком случае, первое признание. Я пообещал приступить к изучению методики в тот же вечер.

Иванчихин действительно стал моим настоящим серьезным учителем. Он поведал о психологических аспектах воинской школы, рассказал о небольших хитростях, которые сам придумал, но самое главное – он ценил философию и придавал ей большое значение в процессе обучения воинскому искусству. В этом мы были чем-то похожи. Методика, утвержденная Госкомспортом СССР в конце 70-х годов, еще до запрета карате, была изложена в толстой папке машинописных листов. Читать, точнее, изучать ее было действительно интересно. Все было грамотно

продумано и просчитано, количество отжиманий, прыжков, длительность пробежек, постановка ударной техники. Обязательным условием было также медицинское обследование, такое же, какое требовалось для поступления в школу борьбы. Школа Иванчихина была коммерческим учреждением, она действовала при кооперативе «Каскад». Ученики сдавали в кассу 10 рублей в месяц, часть суммы уходила на уплату налогов, небольшая доля руководству кооператива, еще часть руководителю школы и остаток инструктору. Получалось, что я еще и заработать мог. В школе было уже десять инструкторов карате-до, теперь появился еще и я, нестандартный инструктор неформатного на то время направления. Необычной была и форма, которую полагалось носить всем ученикам. Каратистам было легко, они могли купить кимоно в магазине спорттоваров (такое же, как для дзю-до), но для моей секции кимоно никак не подходило. По моим эскизам моя матушка пошила два черных костюма, для меня и Вадима. Черные сорочки, черные штаны, Иванчихин смеясь, говорил, что нас нужно называть чернорубашечниками, но тему одобрил. Через несколько дней изучения методики, я с честью выдержал экзамен и получил удостоверение инструктора. Теперь можно было объявлять набор, но возник еще один вопрос. 17 сентября я должен был уехать в Киев на установочную сессию. Тренировки должны были проходить два раза в неделю по два часа. Решено было провести первую тренировку 17 августа, чтобы я отработал как минимум оплаченный месяц, потом месяц вынужденного перерыва, а возобновить тренировки мы должны были уже в спортзале (из-за наступления холодов). Теперь оставалось сделать последний, но самый важный шаг – привлечь в секцию желающих.

Я нарисовал простенькое объявление, в котором указал номер своего домашнего телефона, а Вадим у себя на работе тайно размножил его на копировальном аппарате. Поздним вечером мы расклеили нашу скромную рекламу по всему центру города. На следующий день Глеб уехал, пожалев, что пропустит самое интересное, но тут уж ничего не попишешь. Его семья теперь будет жить в Кърджали, почти на границе с Турцией, а сам он с сентября должен был приступить к учебе в Софии. Я уже не работал, но искать новую работу пока не спешил, все равно через месяц нужно будет уехать на установочную сессию. «Смогу хоть выспаться немного...» - говорил я друзьям. Я ведь патологическая сова и был таким с пеленок. Мне всегда было тяжело вставать рано утром, даже поесть я не могу раньше девяти утра. Поспать мне, впрочем, не удалось, уже на утро следующего дня после расклейки (в половине восьмого, блин!) прозвучал первый звонок, а потом две недели телефон звонил постоянно, причем с раннего утра до позднего вечера. Матушка посоветовала в следующий раз указать приличное для звонков время. Всем позвонившим я рассказывал о том, как будут проходить тренировки, отвечал на разнообразные вопросы и приглашал прийти в кабинет Иванчихина в определенное время, когда и сам там буду.

И вот наступил момент истины. Мы сидели в кабинете вместе с сэнсэем и ждали моих потенциальных учеников. Я уже успел рассказать о том, что звонков было огромное множество. Иванчихин сказал, что по его опыту из десяти позвонивших приходят только трое, но предложил сделать две группы. В одной группе должны были быть совсем молодые, кому еще нет шестнадцати лет, а в другой люди постарше, таким образом, у меня получалось четыре тренировки в неделю по два

часа.

Я хорошо запомнил того, кто записался первым. Это был невысокий вежливый мальчик, абсолютный блондин, звали его Виталик Горбачевский. Он пришел именно ко мне, так как Иванчихин автоматически спросил его, пришел ли он записываться на карате-до. Мне этот паренёк сразу понравился, я, словно, почувствовал в нём скрытую духовность. Поставив в журнале подпись, Виталик поклонился, положив руку на сердце, и вышел.

«Твой первый ученик!» - подмигнул сэнсэй и пожал мне руку. Не скрою, в тот момент я был счастлив. Потом приходили другие ребята, в первый же день записалось больше двадцати человек. Иванчихин тоже был доволен, за три часа это было не мало. Когда никого не было, мы говорили о философии старых мастеров восточных боевых искусств.

Свободного времени в эти дни у меня было много. Я активно включился в культурную жизнь родного города, знакомился с журналистами, художниками, политиками местного масштаба. Вадим уже вертелся в этой богемной среде, подхватило течением и меня. Культурным центром города тогда была кофейня центрального гастронома. Именно там, за чашечкой крепкого ароматного кофе, обсуждались основные вопросы философии. Кофе я тоже любил, а иногда даже мог сказать пару умных слов, потому меня быстро приняли за своего человека. За несколько дней до своей первой тренировки, на ЦГ (так называлось место сбора житомирской богемы), я познакомился с Евгением Алексеевичем Павленко. Он поразил меня своим красноречием, плавная интонация его голоса напоминала журчанье лесного ручья. Еще более меня поразили его слова: «Владимир не был сыном Святослава!» Нестандартный взгляд на древнюю историю, совершенно неизвестные мне факты, энциклопедические знания, просто голова пошла кругом! Я сразу понял, вот тот человек, который сможет пролить свет на наше бесценное сокровище. В первый день знакомства мы общались больше двух часов. Я внимательно слушал, как положено прилежному ученику, иногда задавал вопросы. Мы договорились встретиться на следующий день, так как солнце уже клонилось к закату. Павленко подарил мне книгу «Миф вокруг похода Игоря» (Киев, «Радянський письменник», 1990), с собственным переводом «Слова...» Его комментарии словно открыли мне глаза на события старины глубокой, ведь я и сам давно чувствовал, понимал, что-то недоговаривают наши историки, что-то словно скрывают. «Вся история перед нами как раскрытая книга, просто не все умеют читать...» - сказал на прощание Евгений Алексеевич.

Вернувшись домой, я поужинал и погрузился в чтение. Да, со многими вещами можно поспорить, не всё я принял в теории Павленка, но основная идея была верной, в этом у меня не оставалось сомнений. Теперь я понимал, что не только к комментариям, но и к переводам первоисточников нужно относиться с сомнением, нужно читать их самостоятельно, присматриваясь к каждому слову. В древних текстах не было точек и запятых, перенеси пару слов из одного предложения в другое и смысл меняется до неузнаваемости. «Казнить, нельзя помиловать» - вспомнился мне смешной эпизод из знакомого с детства мультфильма. Но и это еще не всё! Даже многие слова неправильно разделены в монолитном тексте древних литер (в старославянских текстах все буквы писались слитно в один ряд, не было ни заглавных букв, ни знаков препинания, ни промежутков между

словами). При прочтении получаем смысловый маразм, а истинный смысл написанного ускользает от понимания. Позднее я узнал, что Павленко не явился из пустоты, он сам был учеником и носителем идей трех поколений житомирской культурной интеллигенции, среди которых особое место занимает Борис Тен (Николай Хомичевский), известный, но почти не понятый современниками писатель и переводчик. Прирождённый полиглот, в совершенстве владеющий множеством языков, Борис Тен часто укорял земляков за то, что они все больше говорят по-русски, забывая родную речь, потому определённые структуры считали его не очень благонадёжным. Вольнодумец Павленко вообще большую часть жизни провёл под наблюдением КГБ, в молодости его и из института исключили именно по политическим мотивам. Но ничего этого я тогда еще не знал, одно я понял – нужно доверять лишь себе и самым близким людям. Другие просто обманут.

Глава шестая

ПРОКЛЯТЬЕ ВЕЛЕСУ

Мы договорились встретиться с Евгением Алексеевичем в три часа на ЦГ. Утром я не спеша позавтракал, сходил за мост, где еще раз отработал всё то, что хотел показать будущим ученикам на своей первой тренировке, потом зашёл к Вадиму в редакцию. Увидев меня, он прямо выпрыгнул из-за рабочего стола. «Привет! Где ты был?! Я тебе уже два часа звоню!» - его фанатичные серые глаза горели особенным огнём, вероятно, очень важную и весьма приятную новость он собирался мне сообщить. «За мостом был, тренировался, у меня же первая тренировка через пару дней...» Вадим махнул рукой, подбежал к своему столу, смахнул в сторону какие-то бумаги и показал мне на картонную папку. «Вот еще один древний документ нашёлся, дали почитать на неделю, его в каком-то журнале опубликовали, «Днипро», кажется...» В папке были бледные копии какого-то текста, заголовок сообщал о том, что это - «Велесова книга». Я стал читать, но написанное воспринималось как-то через силу, что-то мне определённо не нравилось. Договорились, что я возьму папку домой, а после обеда занесу обратно в редакцию.

Погода была отличная, не очень жарко, небольшой ветерок, я шел домой через сквер и чувствовал какую-то странную антипатию к этой «Велесовой книге». Слова вроде бы правильные, но почему так тяжело читать их? Совсем не похоже на яркий слог «Слова...» или звучные гимны «Волхв Силы». Прочитаю, думаю, и спрошу у Павленко. Он ведь не может не знать об этой книге. Прочитал я всё это через силу, заставляя себя приходилось, как если бы есть недоваренную кашу, которую посолить забыли. Никакого духовного подъёма я не испытал, скорее наоборот. Без десяти три я отнёс папку с копиями Вадиму и пошёл на встречу с Евгением Алексеевичем.

Павленко уже был в кофейне, беседовал с каким-то незнакомым мне старичком. Он был в элегантном замшевом пиджаке, его гордая осанка напомнила мне о том, что сутулиться плохая привычка, и я тут же выпрямил спину. Мы вчера только познакомились, но встретились как старые друзья. Его собеседник допил кофе и ушёл, а я тут же стал приставать с расспросами про «Велесову книгу». Он улыбнулся и пожал плечами. «Да, слышал, но сам еще не читал, один знакомый сделал для меня копии, но утром кто-то выпросил у него почитать на несколько дней. Одно могу лишь сказать, там какая-то ошибка, Велес жидовский бог!» Я чуть

не подавился своим кофе, даже забыл сказать, что знаю, где находятся те самые копии, сам ведь их туда только что отнёс. «Игорь же Велесов внучек. Велес вступил блудницею на землю Троянову...»

Тут следует сказать, что согласно мнению Павленко, Владимир Креститель был сыном Малка Любачина, хазарского заложника. Святослав, якобы, взял заложников царской (каганской) крови после победы над хазарами, чтобы предотвратить возможный ответный удар. Его доводы звучали очень убедительно.

В «Повести временных лет» нигде не сказано, что Владимир был сыном Святослава, но отмечается, что Владимир был от Малуши, дядько же его был Добрыня, а отец ему (в контексте логичнее прочесть Владимиру), был Малк Любачин. Устроив переворот с помощью наёмников, Владимир захватил власть в Киеве. Убив Ерополка в граде Родэне, последнего Рюриковича, Владимир провозгласил себя каганом Руси, титулом заклятых врагов славян, война с которыми шла не одну сотню лет. Можно себе представить, что став генеральным секретарём ЦК КПСС Горбачёв назвал бы себя фюрером советского народа? Не мог Владимир себя князем назвать, он же не княжеского рода. Первым делом каган по-своему реформирует язычество, ставит новое капище и приносит прямо таки ветхозаветные кровавые жертвы. Народу Руси религиозные реформы совсем не по душе, родной дядька кагана умиротворяет бунтовщиков, а к Владимиру уже едут послы из Хазарии. Иудейские старцы рады видеть кровного родича на престоле киевском, они убеждают его принять веру предков: «Обрежись и будешь как мы!» Предложение заманчивое, подменить веру не получилось, но в иудаизме очень уж строгие правила. «А что, и выпить нельзя будет?» - спрашивает иудеев Владимир. «Нет, нельзя, религия не позволяет!» - отвечают хазары. «Ой, да шо вы такое говорите? И вы еще будете меня учить, как дело вести? Я уже не один год Русь спаиваю! Если обрежусь, то буду там же где и вы, а я хочу быть русским каганом!» Приблизительно такой вот разговор получился с хазарскими послами.

Веру нужно было срочно менять, волхвы призывали народ к восстанию. Владимир выбирает византийскую религию, тут тоже есть библейские сказки о богоизбранности колен израилевых, и свечи, и наркотический смрад ладана. Но вначале нужно разобраться со старой верой. Старинная киевская легенда гласит (записана в конце XIX века), что перед тем как крестить киевлян, Владимир созвал на переговоры волхвов со всей Руси. Я так думаю, обещал выполнить их требования. Тысячи волхвов собрались на капище у реки Лыбидь (цифра явно завышена, конечно), где на них напали наёмники кагана и убили. Умирая, один из старейших волхвов молвил пророчество: «Русь погибла, но через тысячу лет волхвы явятся вновь и земля, и правда возродятся!» Что было дальше общеизвестно - каган покрестил землю русичей огнём и мечём.

«А того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским?! Этого бы с нами не случилось!» - говорит автор «Слова...», оплакивая падение Руси, ибо наследники Владимира своеобразно отметили двухсотлетие крещения – уничтожили воинов с отроками, заведя их в западню у Дона, где их перебили половцы. В истории они, правда, известны как Ярославичи, потомки Ярослава Хромого, одного из сыновей Владимира. Его морда, восстановленная по костям черепа Герасимовым, является одним из лучших доказательств. Настоящий... представитель одной из древнейших национальностей. Череп Владимира не

сохранился, но яблоко от яблони недалеко падает.

Поглумился Павленко и над былинами, так называемого Владимирского цикла, еще и просил посмотреть на фамилию человека, который их записывал. Он артистично пересказал те былины по-своему. Жил был в Муромской земле, в неславянском селе Карачарово, парень с «русским» именем Илья, который очень работать не любил. Тридцать три года на печи лежал, говорил – руки, ноги не двигаются. Тут шли через то село бомжи неместные, бездельники и попрошайки, дети воеводы Шмидта. Зашли к своему старому другу воды попить, а потом такие слова говорят: «Илья, шо ты тут сидишь? Ты шо, не знаешь, шо Владимир собирает наших людей в Киеве? Возьми остхую саблю, стой за землю Хусскую!» Откуда и сила взялась, в один миг все болезни прошли! Илья сразу же на коня сел и спешит в Киев, где Владимир и Добрыня хазар собирают.

Разговаривая, мы бродили по скверу за обкомом партии. Тут когда-то и было древнее городище древлян, потом по легенде литовский замок. У памятного камня, установленного в честь тысячаголетия Житомира, Евгений Алексеевич вспомнил, как началась война, и он впервые увидел немцев: «Тут тогда рынок был, сидели бабы из ближних сёл, продавали нехитрую снедь, вдруг заезжают немцы на мотоциклах. Что тут началось! Бабы разбегаются, куры летают, а немцы смеются и выбирают на прилавках, что повкуснее, молоко пьют. Я ведь совсем еще ребёнком был, но стал утекать со всех ног. Тут за обрывом тропа есть с горы, я через речку и домой!» Мы подошли к обрыву над Замковой горой, я тоже решил блеснуть эрудицией: «Знаю я эту тропу, я ведь тут живу. Вот он мой дом...» Две девятиэтажки, прозванные в народе «милицейскими», возвышались над глубокой долиной реки Каменки. Павленко усмехнулся: «А мой родной дом вот там – на Малёванке...» Только тут я вспомнил про копии «Велесовой книги», точнее про то, что забыл рассказать о них. Мы решили пойти к Вадиму. По дороге я рассказывал о своих впечатлениях от прочитанного, а Евгений Алексеевич на все лады проклинал Велеса, называя его жидовским богом. Попытался и я слово вставить: «В «Повести» вспоминают о Волосе, который был скотским богом...» Павленко и слышать ничего не хотел: «Скотский бог он и есть. Эти скоты еще до Владимира пытались нам подsunуть разных ложных богов, и даже еще до появления христианства, как вот они со своей Кибелой матерью носились, ё...ой богородицей!»

То, что Павленко не очень любит евреев, я понял еще в первый день нашего знакомства, он этого и не скрывал. Я к евреям относился вполне спокойно, среди них иногда попадаются вполне достойные люди. В школе у меня даже друг был еврей – Лёня Гитерман, умный начитанный мальчик. Кстати, за пару дней до описываемых событий я увидел его в последний раз, он готовился уезжать в Израиль на постоянное место жительства. Немного изменилось моё отношение к евреям в 92-ом году, когда я прочитал «Катехизис еврея в СССР».

Вадим как раз дочитывал «Велесову книгу», когда мы без предупреждения ввалились в его кабинет. Он был очень рад новому знакомству, извинился за то, что перехватил копии. Оказалось, что у них много общих друзей. Мы вместе с Вадимом проводили Павленко до Малёванского моста, а потом долго еще обсуждали его взгляды на древнюю историю.

На следующий день я с утра пошёл в читальный зал нашей областной библиотеки

и заказал целую кучу литературы. Меня интересовал образ Велеса, и я решил поискать аналогии у близких соседей – балтийцев. У древних литовцев была легенда о некоем Вэльсе. Он был заклятым врагом Перкунаса, слабый, подлый, трусливый, мерзкий злой дух. Перкунас преследует его повсюду, пытается поразить ударом молнии, а Вэльс прячется. Мда, сказка красивая, но вероятно поздняя, хотя приметы Вэльса и Велеса совпадают, неужели действительно это нечто враждебное нам, славянам? Перечитал я и «Повесть временных лет» в разных списках. Любопытные события происходили в 1071 году. Волхвы подняли киевлян на восстание против внука Владимира – Изяслава (Павленко насмеялся над этим именем, называя его «исконно-русским» – Изя слав, вероятно Абрамославы и Мойшеборы тоже существовали, но не попали в летописи!). Повстанцы «идуша на жида» ворвались в княжий двор и освободили из острога Всеслава Полоцкого, провозгласив его князем Киевским. Всеслав был потомком Рогнеды и Ерополка, в нём текла кровь Рюриковичей, потому он и был популярен в народе. Изяславу советовали убить Всеслава, но он не успел. Убежать ему, правда, удалось, но вернуть власть над Киевом он уже не смог. Да, было о чём подумать... В Киеве на Подоле еще с 60-х годов пели весёлую еврейскую песенку, в которой были такие слова: «а святой Владимир ведь тоже был еврей...» Украинцы считают своей родиной. Есть еще один народ, иногда они называют себя маланцами, Павленко убеждён, что это в честь того самого Малка Любачина, отца проклятого Владимира.

Глава седьмая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Перед своей первой тренировкой я ни капельки не волновался. Помню, что сидел за своим письменным столом, писал какую-то повесть. Когда пришло время выдвигаться к месту сбора, я взял чистый листок для пометок и черкнул по нему синим фломастером: «17 августа, день рождения школы». Ровно через год в этот день я впервые посетил Москву, город мне ужасно не понравился...

Я пришёл на десять минут раньше, но у гранитных колобков в начале пешеходного моста (это так мы называем огромные каменные шары) уже было с десяток парней, которые записались в мою секцию, они окружили меня и засыпали множеством вопросов. В тот день я должен был заниматься с младшей группой. Еще через десять минут подошли остальные, не было только того парня, который записался первым, я даже немного расстроился по этому поводу. Не было и Вадима, у него никак не получалось прийти в этот день. Мы немного подождали, а потом пошли к тому месту, которое я заранее выбрал для тренировок. Когда-то тут был колхозный яблоневый сад, но город стал больше, черта города тоже сместилась, там и сейчас растут яблоки, очень вкусные, кстати, но теперь сад принадлежит всем жителям Житомира. На краю сада мы и разместились. Весной, среди цветущих яблонь, мы там с Глебом тренировались. Уютная поляна была со всех сторон окружена кустарником, мне не очень хотелось мозолить глаза гуляющим по саду людям. Невдалеке от того места находится геодезический знак, обозначающий границу леса и лесостепи. Граница очень условная, можно сказать символическая, но мы находились на стороне леса (метров на сто).

Тренировка прошла отлично, все были очень довольны. В самом начале я провёл что-то вроде показательного выступления, продемонстрировав самые эффектные

трюки и удары. После разминки я учил молодёжь выходить из захвата, постановочному удару руки, объяснял безопасные приёмы растяжки связок. Потом проверил физическую подготовку своих новых учеников, она оказалась слабенькой. Десять раз на кулаках смогли отжаться только несколько парней. Под конец я сказал несколько слов о славянской воинской философии, сообщил о том, что философии будет уделяться не меньше внимания, чем физическим упражнениям. Не забыл напомнить о том, что всем нужно срочно пошить форму по образу и подобию той, которую ношу я. На обратном пути мне пришлось опять отвечать на вопросы моих теперь уже настоящих учеников. Видно было, что они в восторге и им всё понравилось. Было приятно.

Добравшись домой, я позвонил Иванчихину, а потом Вадиму. Я сообщил, что всё прошло нормально, народ доволен и победа будет за нами. Мои родители снисходительно отнеслись к моему новому увлечению, но в начале сентября я принёс домой 440 честно заработанных рублей, это было в два раза больше, чем я зарабатывал на складе, а занят был всего 8 часов в неделю. В любом случае, я не собирался превращать боевое искусство в профессию и не спеша искал работу журналиста.

На следующий день была тренировка «взрослой» группы. Тут тоже всё прошло на ура. Вдохновлённый своей недавней победой за сердца молодёжи, я выдал показательное выступление еще лучше, чем на первой тренировке. Я был просто в ударе, к тому же теперь меня пришёл поддержать Вадим, и еще двое парней из мастерской УВД по ремонту средств связи (недавние коллеги). Наш показательный поединок с Вадимом был тщательно и до мелочей отрепетирован, но народ ведь об этом не знал. Одетые в одинаковые чёрные костюмы мы низко поклонились друг другу, коснувшись рукой земли, и понеслось. Высокие прыжки с ударами в развороте (каратистское урамоваше), чёткие блоки, скорострельность ударов, чего только не было в этом бою! Показуха получилась отличная, глаза у моих новых учеников стали просто квадратными. Потом поползли по городу слухи о двух лучших бойцах Житомира, которые проводят тренировки за мостом. Другие инструкторы заходили в гости просто посмотреть на мои тренировки. Первым был Саша Тарабукин, но всё это было уже потом, позже, когда мы заработали авторитет.

Первые шаги самые трудные. Ещё в первом классе моя мама сказала мне: «Вначале нужно заработать авторитет, а потом авторитет будет работать на тебя», но одно дело школа общеобразовательная, и совсем другое – своя собственная. Вспоминая то счастливое время, только недавно я осознал, что бороться за собственный авторитет мне приходилось почти каждую минуту. Легко завоевать симпатию толпы несколькими красивыми движениями и гимнастическими трюками, но завоевать умы и души людей намного сложнее. А сколько боёв в полном контакте мне пришлось провести в первый год! Многие аматоры, фанаты боевых искусств, приходили к нам и под конец тренировки вызывали меня на поединок. На самом деле я не халтурил, давал себе такую же нагрузку, как и своим ученикам, а после двух часов бывал уставшим, но никогда не уклонялся от боя. Когда такое случилось в первый раз, мои неопытные ученики сгруппировались и напряжённо смотрели на меня, явно ожидая команды «фас», тридцать человек «взрослой» группы готовы были просто затоптать невежу, но я махнул рукой и улыбнулся им.

Не было защитных перчаток и весовых категорий (а так и должно быть на самом деле), и не всегда удача была на моей стороне, но обычно я побеждал, причём очень красиво и эффектно. Так было и в первом бою. Когда мой противник пропустил уже больше десятка сильных ударов, а мою защиту не смог пробить ни разу, в его глазах я увидел страх. Он был выше меня и намного сильнее физически, но техника у него была паршивая, а скорость еще хуже. В сознании промелькнула злая и хитрая мысль, был подходящий момент укрепить собственный авторитет. Я замер в красивой левосторонней стойке и улыбнулся. От этой улыбки глаза противника панически забегали. Круговые движения руками, которым обучал своих парней, обозначали концентрацию пространства в моём теле, затем я направил ладони на противника, с шумом выдохнув воздух. Громила стоял словно парализованный, сила есть, ума б еще добавить. Молниеносный выпад с переходом в правостороннюю стойку и несколько болезненных, но еще более унижительных пощечин (в настоящем бою я просто сломал бы ему кулаком челюсть). Он даже не пробовал защититься, попытался развернуться и убежать что ли, но я отправил его в нокаут прямым ударом ноги в подскоке. Многоголосый крик восторга пронёсся над нашей поляной, вероятно, его слышали не только на том берегу, но даже в Заречанах. Я склонился над своим поверженным противником и помог ему встать. Хорошо, что он развернулся, мой удар попал ему в ухо, а не в лицо. Удар этот очень сильный, через три года таким же способом Святослав Антонюк отправил в нокаут своего противника каратиста, тот еще пролетел восемь метров, пока не врезался в шведскую стенку спортзала. До этого я думал, что такое только в кино показывают. Было это на открытом чемпионате Житомирской области по правилам сань-да, где собрались бойцы всех направлений, впрочем, я забегая вперед.

На второй тренировке для «малышовой» группы Виталик Горбачевский появился, у него просто не получилось прийти 17 августа по семейным обстоятельствам (они всей семьёй ездили в лес под Левковом грибы собирать). Кстати, это именно он привёл ко мне через год своего соседа, мальчика с ангельской внешностью, но крепкой волей – Святослава Антонюка, который на сегодняшний день считается лучшим из всех моих старших учеников. Еще один ученик (вот только не помню, кто именно) сильно опоздал, но пришёл не один, а со своей бабушкой, которая предложила бесплатно пошить всем костюмы. Нужно было только отдать ей материю. Тренировка получилась немного скомканная, пока всех померили и записали рост, объём груди и тому подобное, но ребята были счастливы. Я вот до сих пор думаю, что же такое рассказал тот мальчик своей бабушке, что она захотела прийти и на следующий день, чтобы измерить парней из «старшей» группы...

Вечером я позвонил Иванчихину и доложил, что через неделю все мои ученики будут в костюмах. На самом деле получилось, что не все, народ ведь продолжал звонить и записываться в нашу секцию, многие приводили своих друзей. Двое парней из старшей группы привели в школу своих девушек. Через неделю в каждой группе у меня было больше ста человек. Пошив формы не стал проблемой, у многих новеньких нашлись знакомые, которые без труда одели в чёрные сорочки всю нашу команду. Процесс, как говорится, пошёл.

Князь Огин